

В этот момент Гу Хуайцин был очень похож на кошку — своенравную и гордую, готовую в любой момент выпустить когти, но от этого его лишь сильнее хотелось баловать. Рука Дуань Минчэня, лежавшая на его плече, сама собой переместилась на голову. Волосы Гу Хуайцина были иссиня-чёрными и удивительно мягкими на ощупь. Дуань Минчэнь не удержался и несколько раз провёл по ним рукой.

«Эй, что ты там делаешь?» — обернувшись, спросил Гу Хуайцин.

«А? Ничего... У тебя в волосах был листок, я его убрал», — с невозмутимым видом ответил Дуань Минчэнь.

Гу Хуайцин поверил и не стал придавать этому значения. «Пойдём, — сказал он, — допросим этих японцев как следует».

Он выскользнул из-под руки Дуань Минчэня и быстрым шагом направился вперёд. Дуань Минчэнь на мгновение застыл, кончики его пальцев всё ещё хранили шелковистое ощущение тех волос, и в душе шевельнулось странное, нежелание отпустить. Опомившись, он счёл эти чувства нелепыми, усмехнулся и последовал за ним.

Японские посланники, размещавшиеся в Восточном дворе, сразу после происшествия были взяты под контроль Гвардией в парчовых халатах. Все, кроме сбежавшего Сяньэ Сюнфэя, ещё десяток с лишним человек оказались заперты в своих покоях — формально для их же защиты, а по сути, под домашним арестом.

Дуань Минчэнь увидел, что Ло Цинь с четырьмя подчинёнными из Гвардии в парчовых халатах стоят у входа в гостиную. Запертые внутри японские ронины галдели на своём языке. Хотя разобрать слова было невозможно, но по тону ясно было, что говорят они отнюдь не любезности.

Дуань Минчэнь спросил Ло Циня: «Как обстановка?»

Ло Цинь доложил: «Приказано держать этих японцев под присмотром. Но народец они беспокойный. Сначала попытались было силой прорваться, но мы их проучили, так что теперь сидят смирно. Впрочем, внутри всё равно буянят — столы и табуреты ломают, кричат на своём, чёрт знает о чём».

«Зайдём, взглянем», — бесстрастно предложил Гу Хуайцин.

Дуань Минчэнь кивнул Ло Циню. Тот с четырьмя своими подчинёнными, жаждавшими искупить прошлые провинности, подошёл к двери, отомкнул тяжёлый медный замок, и та с скрипом распахнулась.

Услышав звук открывающейся двери, японцы тут же ринулись к выходу, но, увидев людей в парчовых халатах, на их лицах мелькнул страх. Очевидно, предыдущая «встреча» оставила в их душах неизгладимый след.

Первым выступил вперёд невысокий, коренастый ронин и разразился потоком гортанной речи, размахивая при этом руками и явно пребывая в сильном возбуждении.

Однако Дуань Минчэнь и остальные лишь смотрели на него в полном недоумении, не понимая ни слова.

В отличие от Корё, которое веками находилось в сфере влияния Великой Ци и даже

письменность переняло китайскую, среди японских посланников лишь Сянъе Сюнфэй кое-как изъяснялся по-китайски. Его подчинённые же были в основном грубыми вояками и малограмотными простолюдинами, едва ли знавшими даже собственные иероглифы, не то что иностранный язык.

Ло Цинь тихо спросил: «Не найти ли переводчика, знающего японский?»

Дуань Минчэнь покачал головой: «К чему такие сложности? Среди них наверняка есть кто-то, понимающий по-китайски, иначе как бы они вели переговоры?»

Коренастый ронин, поняв, что его никто не понимает, вытащил из толпы тощего, похожего на обезьяну человечка и пинком подтолкнул его к Дуань Минчэню, что-то при этом рывкая.

Тот, кого пнули, не посмел оказать ни малейшего сопротивления и, наоборот, принялся низко кланяться ронину, бормоча «хай, хай». Затем, дрожа как осиновый лист, он подобрался к Дуань Минчэню и, подражая церемониям Великой Ци, отвесил глубокий поклон.

«Этот ничтожный Шаньтянь Цылан приветствует ваших превосходительств!» — произнёс японец на чистейшем китайском. Его мать была родом из Чжэцзяна, но в молодости её похитили японские пираты, силой взяли в жёны и увезли в Дунъин, где она и родила сына.

Отец его был простолюдином, живущим в крайней бедности, — не будь этого, он бы не отправился за море разбойничать. Как сын такого человека, Шаньтянь Цылан не мог похвастаться высоким происхождением. Однако сам он был парнем смышлёным. Когда японцы напали на Корё, он, пользуясь знанием китайского, пристроился в армию переводчиком. На сей раз, когда Дунъин отправил посольство, он тоже примкнул к нему, рассчитывая на лёгкий заработок. Кто ж знал, что угодит в такую переделку — хозяин, Сянъе Сюнфэй, сбежал, и это обернулось для него настоящей катастрофой.

Шаньтянь Цылан онемел от ужаса, понимая, что этих высоких чинов ни в коем случае нельзя сердить, и на его лице расцвела подобострастная улыбка.

Дуань Минчэнь питал глубочайшее отвращение к таким перевёртышам-предателям. Во время войны в Корё именно из-за них японцы оказались такими живучими. Но сейчас этот человек мог пригодиться, поэтому он сдержал брезгливость и спросил: «Что у вас происходило прошлой ночью? Рассказывай подробно, ничего не утаивая!»

Шаньтянь Цылан почтительно ответил: «Всё так, ваше превосходительство. Генералу Сянъе внезапно взбрело на ум посмотреть танцы гейш. Мы послали в Двор Наслаждений за несколькими искусными танцовщицами, да ещё и вина с яствами из таверны прикупили. Вечером генерал с воинами устроили во дворе пиршество. После нескольких кругов вина генерал, разгорячившись, удалился с одной из танцовщиц в задние покои».

Гу Хуайцин не сдержал насмешливого фырканья: «Судя по твоим словам, Сянъе Сюнфэй должен был предаваться утехам в Восточном дворе. Так по какой же причине он очутился в покоях принцессы Корё?»

Шаньтянь Цылан съёжился: «Этот... этот ничтожный действительно не ведаёт. Генерал удалился с красавицей в покои, и мы, естественно, не смели его беспокоить. Да и, зная его нрав, обычно он... не быстротечен. Остальные воины продолжали пировать снаружи, пока внезапно не явились ваши превосходительства из Гвардии в парчовых халатах, не взяли нас под стражу и не стали допрашивать о местонахождении генерала. Лишь тогда мы обнаружили, что его и в помине нет в комнате!»

Дуань Минчэнь спросил: «Спроси их, заметил ли кто-нибудь, когда Сянъе Сюнфэй удалился?»

Шаньтянь Цылан перевёл вопрос японцам. Те лишь закачали головами. Честно говоря, в тот момент они были уже изрядно пьяны и всю убожались женщин — где уж им было обращать внимание на что-то ещё.

Дуань Минчэнь вспомнил доклад Ло Циня после полудня: Сянъе Сюнфэй столкнулся с принцессой, вновь позволил себе непристойные намёки и дерзко заявил, что она ещё пожалеет, выйдя замуж за императора Великой Ци. Эти слова в свете последующих событий делали Сянъе Сюнфэя главным подозреваемым.

Дуань Минчэнь нахмурился: «Были ли у генерала Сянъе какие-либо личные причины враждовать с принцессой Корё? Почему при каждой встрече он отпускал в её адрес непристойности? Возможно, после той встречи в нём проснулось некое гнусное желание, и потому ночью он и пробрался в её покои, дабы совершить это злодеяние?»

Шаньтянь Цылан замотал головой, набравшись смелости возразить: «Не стану, ваше превосходительство, оправдывать генерала, но этот ничтожный много лет следовал за ним и кое-что о его нраве понимает. Генерал и вправду любитель прекрасного поля и, встретив красавицу, не может удержаться от того, чтобы не поухаживать. Слова его, быть может, и грубоваты, но он всё же сын военачальника, прибыл сюда с важной миссией. Не стал бы он ради женщины пускаться в такое безрассудство! Умоляю ваши превосходительства разобраться!»

Гу Хуайцин не вытерпел и фыркнул: «Но факт остаётся фактом: Сянъе Сюнфэй вышел именно из покоев принцессы, ранил стражников из Гвардии Парящего Дракона и скрылся! Это видели многие. Если у него не было злого умысла, зачем ему было пробираться ночью в её покои? Если он не убил принцессу, зачем бежать? И, наконец, где он сейчас?»

Шаньтянь Цылан онемел под градом этих вопросов. Он перевёл их японцам, и те, сбившись в кучу, загалдели, кое-где даже вспыхивали споры. Однако после долгих препирательств к какому-либо выводу они так и не пришли.

Шаньтянь Цылан с безнадёжным видом покачал головой: «Виноваты, ваши превосходительства. Почему генерал отправился в покои принцессы, почему, ранив людей, бежал — мы и вправду не ведаем. Не знаем мы и где он сейчас. Но в Восточный двор он точно не возвращался».

Дуань Минчэнь внимательно наблюдал за выражениями лиц японцев. Даже подчинённые Сянъе Сюнфэя, казалось, не были уверены, совершил ли их господин это преступление. Что касается его местонахождения... Эти люди были его воспитанными воинами, для которых первой и единственной добродетелью была абсолютная преданность господину. Даже если бы тот совершил преступление и скрылся, они бы лишь защищали его. Будь они даже в курсе, где он, — ни за что не выдали бы. Так что спрашивать было бесполезно.

Дуань Минчэнь, видя, что больше ничего не добьёшься, уже собрался уходить, как вдруг Шаньтянь Цылан крикнул: «Ваше превосходительство, умоляю, остановитесь!»

«Что ещё?» — нахмурился Дуань Минчэнь.